

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

О В. В. Розанове (письмо М. И. Лутохину)

<5–6 сентября 1918 г., Сергиев Посад>

Глубокоуважаемый Михаил Иванович!

Спешу ответить на сегодня полученное письмо Ваше. О Вас<илии> Вас<ильевиче> сказать могу лишь очень немного, ибо иначе — надо говорить слишком много. Существо его — Богоборческое: он не приемлет ни страданий, ни греха, ни лишений, ни смерти, ему не надо искупления, не надо и воскресения, ибо тайная его мысль — вечно жить, и иначе он не воспринимает мира. Вас<илий> Вас<ильевич> есть такой шарик, который можете придавливать — он выскользнет, но который не войдет в состав целого мира: он сам по себе, *per se est*, или, по крайней мере, *potat se per se esse* *. Это — стихия хаоса, мятущаяся, вечно-мятущаяся, не признающая никакой себе грани, — хаоса не понявшего и не умеющего понять своей конечности, своей условности, своей жалкости вне Бога. Бейте его — он съежится, но стоит перестать его бить, он опять возьмется за свое. И потому Вас<илия> Вас<ильевича> надо глотать целиком — если можете и хотите, и отбрасывать целиком — если не умеете и не желаете проглотить. Меня удивляет, как это ни Вы, ни другие не видят непрерывности мыслей, настроений и высказываний В<асилия> В<асильевича>: право же, он говорит теперь то же (в сущности дела), то же именно, что говорил раньше¹. Спорить тут бесполезно, ибо В<асилий> В<асильевич> не умеет слушать, не умеет и спорить, но по-женски твердит свое, а если его прижать к стене, то негодует и злится, но конечно не сдается. Если бы действовать на него не логически, а психологически, то он (и это не было бы корыстно, расчетливо, а произошло бы само со-

* мог бы быть сам по себе (*лат.*).

бою) стал бы говорить иное, хотя и не по существу, а — по адресу. Например, если бы его приютил какой-либо монастырь, давал бы ему вволю махорки, сливок, сахара и пр., и пр., и, главное, щедро топил бы печи, то, я уверяю, В<асилий> В<асильевич> с детской наивностью стал бы восхвалять не этот монастырь, а по свойственной ему необузданности обобщений, чисто детских индукций *ab exemplo ad omnia* * — все монастыри вообще, их доброту, их человечность, христианский аскетизм и т. д. И воистину, он воспел бы христианству гимн, какого не слыхивали по прониновенности лирики. Правда, этот гимн, если бы внимательно вслушаться в него, оказался бы восхвалением христианства не за христианственность, а за некоторые нейтральные черты в нем, но он был бы сладостно действен, общественно (т. е. для дураков, кои не умеют разбираться в сути дела) более полезен, нежели все говоримые проповеди, вместе взятые. Но вот, приехал В<асилий> В<асильевич> в Посад. Его монастырь даже не заметил, — конечно! — в Посаде выпали на долю В<асилия> В<асильевича> все те бедствия, которые в гораздо большей степени в это же время выпали бы в СПб., в Москве и всюду. Находолавшись и наголодавшись, не умея распорядиться ни деньгами, ни провизией, ни временем, этот зверек-хорек, что ли, или куничка, или ласка, душащая кур, но мнящая себя львом или тигром, все свои бедствия отнес к вине Лавры, Церкви, христианства и т. д., включительно до И<исуса> Х<риста>. Почва была подготовлена: семейные истории В<асилия> В<асильевича>, уже давно намозолившие ему шею, подготовили его бешенство против консистории, Церкви, Христа. Кое-что в словах его, ложно выраженное, содержит правильное постижение хода мировой истории. Но все же так это выражается, ложно, по основному направлению В<асилия> В<асильевича>, по его складу духа, не приемлемому никакого «нет», никакой задержки, никакого «должен», — стремящегося излиться, как льется поток воды, и не переносящего ни малейшей препоны, на самое короткое время.

Ваш священник Павел Флоренский

* от частного к общему (лат.).